

УДК 821.161.1–312.9Бул.09

ЖАНРОВЫЕ ИННОВАЦИИ И РЕЦЕПЦИЯ ФАДДЕЯ ВЕНЕДИКТОВИЧА БУЛГАРИНА В ЧЕШСКОЙ СРЕДЕ

Иво Поспишил

ivo.pospisil@phil.muni.cz

Доктор, профессор

Заведующий Институтом славистики

Философский факультет, Университет имени Масарика

Ул. Арна Новака, 1, 602 00, г. Брно, Чешская Республика

Аннотация. Рассматривается творчество Фаддея Булгарина (1789–1859), предшественника и вдохновителя новых жанровых форм в трех разделах: в формировании жанра нравственно-сатирического романа, в сказовом повествовании и в особой жанровой форме утопии и дистопии. Показано, что ядром булгаринской научной фантастики является описательный, но находчивый стиль, невыразительное строение сюжета, элементы жанра проповеди, представляющие собой осколки утопических моделей в противовес постромантической иронии и сарказму, ведущих к фрустрирующей картине будущего мира. Подчеркивается, что его парадигма, движущаяся от технологической к общесоциальной и экзистенциальной позиции, к бытовому скептицизму дистопии, которая постепенно рождается в булгаринских прозаических фрагментах, превалировала в русской научной фантастике на протяжении всего XX века и, до определенной степени, оказалась доминантной даже в XXI веке. Исследуются жанровая инновация Булгарина, в частности культивирование жанра сказовой повести, оригинального нарратива, который предвосхитил подобные повествовательные формы в творчестве Н. С. Лескова, А. Ремизова или В. Шукшина. В чешской среде Булгарин был до половины XIX века более известный, чем сам Пушкин. Пейзаж и общественный фон его прозы, авантюрные сюжеты, изысканность особой повествовательной манеры привлекали внимание читателей.

Ключевые слова: Фаддей Булгарин, социальная концепция, контекст, научно-фантастическая повесть, утопия, научная фантастика, скептическая дистопия, сказовая повесть, чешская рецепция.

Современная научная фантастика имеет сравнительно сложную типологию, включая и прозу виртуальной аутентичности и экзистенциальной неуверенности (термин мой. – *И. П.* [5]), которая прокомментирована в нескольких моих статьях [17]. Иногда забывается, что *science fiction* представляет собой не только британское или американское изобретение и что наиболее значительные литературные, а точнее, жанровые эксперименты связаны с другими литературами, например славянскими. Среди них видное место занимает русская литература.

Иван Ефремов, братья Стругацкие, Александр Казанцев стали всемирно известными, подобно как и Айзек Азимов (*Isaac Asimov*), американец русско-еврейского происхождения. Эта литература имеет в России свои глубокие корни в письменности XVIII и начала XIX веков. Одним из пионеров был – кроме Владимира Одоевского и Осипа Сенковского – и Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859), относящийся к течению, ведущему от утопической модели к горьким дистопическим катаклизмам будущего мира, напомиающим скорее общественную критику и сатиру. Он был зачинателем новой модели научной фантастики, образуя особые жанры сказа и сказовой повести с усложненным, интенсивно индивидуализированным языком и стилем; кроме того, он является создателем специфического жанра нравственно-сатирического романа, представленного *Иваном Выжигиным* (1829) в его менее успешном продолжении *Петр Иванович Выжигин* (1831). То, что наиболее важно: эти эксперименты не закончились творчеством самого Булгарина, но нашли особое осуществление в теории и литературной практике XX века, в особенности в русской советской литературе, а также в русском литературном зарубежье, например, в форме сатирических жанров, в проектах „положительной сатиры” и т. д.

Ядром булгаринской научной фантастики является описательный, но находчивый стиль, невыразительное строение сюжета, элементы жанра проповеди, представляющие собой осколки утопических моделей в противовес постромагической иронии и сарказму, ведущих к фрустрирующей картине будущего мира. Его парадигма, движущаяся от технологической к

общесоциальной и экзистенциальной позиции, к бытовому скептицизму дистопии, которая постепенно рождается в болгарских прозаических фрагментах, превалировала в русской научной фантастике на протяжении всего XX века и, до определенной степени, оказалась доминантной даже в XXI веке.

Проблема научной фантастики состоит зачастую в недоразумении относительно технологического будущего. Легенда, повторяемая сто раз, становится истиной. Например, Жюль Верн. Сейчас уже известно, что все, что он будто бы предвидел в своих авантурных романах, было уже тогда известно частично или полностью либо готовилось к практическому осуществлению, в том числе, подводные лодки, самолеты „легче воздуха”, дальнобойные пушки и т. д. Вторая половина XX века в теории и истории литературы сигнализирует резкий поворот в сторону массовой культуры, тривиальности, металитературы, интертекстуальности, цитатности, реминисцентности, аллюзивности, палимпсестичности и ретроспективности. Постмодернизм как таковой связан со многими слоями „большой литературы”, паразитирующими мотивами и темами, которые способствуют пониманию постмодернистской поэтики, выраженной в оживлении оригинальных ценностей, неуверенности и амбивалентности. В нескольких статьях мы называли такие явления „литературой экзистенциальной неуверенности и виртуальной аутентичности”. Большинство успешных прозаических произведений современности находится на грани литературы факта и художественной литературы. В связи с подобными поворотами современной литературы в духе бестселлеров импульсы творчества Ф. В. Булгарина находят свою вторую жизнь, поскольку он своеобразно предвосхитил их сущность так, как она проявляется в текстах, авторами которых стали Erich von Däniken, John Ronald Reuel Tolkien, Joanne Rowling, Dan Brown и десятки других, описывающих альтернативную историю человечества, формирующих новые жанры и жанровые группировки из той же самой колыбели утопии, научной фантастики к дистопии/антиутопии.

В русской традиции путь ведет от наивных утопий Ивана Ефремова к дистопическим структурам (*Встреча над Тускаророй*, 1944; *На краю Ойкумены*, 1949; *Туманность Андромеды*, 1957;

Лезвие бритвы, 1963; *Час быка*, 1970). Этот тип литературы продолжает Эрих фон Дэникен/Erich von Däniken (*Erinnerungen an die Zukunft*, 1967), положительно воспринятый в свое время в СССР и в странах советских сателлитов. Путь от Дэникена к чешскому писателю Лудвику Соучеку (1926–1978) не был прямолинейным, но более стремился к метатексту, интертексту, виртуальной аутентичности и повествовательным маскам, именно в его романах и повестях типа *Cesta slepých ptáků* (1964), *Runa Rider* (1967), *Sluneční jezero* (1968), *Případ baskervillského psa* (1972, 1990, 2003), посредством которых автор скрыл специфический код посещения внеземных существ. Все эти жанровые эксперименты восходят к Говарду Лавкрафту (Howard Lovecraft, 1890–1937), чьи произведения, связанные с ареалом Новой Англии (New England), публиковались как *Weird Tales* в 1923. В чешской литературе XIX и XX веков эта традиция фантастической прозы коренится в немецкой и чешской литературах Богемии и Моравии (Jakub Arbes, 1840–1914) и его романетто (термин, придуманный Яном Нерудой или Густавом Мейринком (Gustav Meyrink, 1868–1932), позже в романах Милоша Урбана (Miloš Urban, родился 1967), связанных с британской традицией (см. мою статью [17]).

В связи с этим вышеупомянутый Фаддей Булгарин (1789–1859) является предшественником и вдохновителем новых жанровых форм в трех разделах: в формировании жанра нравственно-сатирического романа, в сказовом повествовании и в особой жанровой форме утопии и дистопии.

Фаддей Булгарин стал в свое время наиболее читаемым и популярным писателем в России 20–30 гг. XIX века и благодаря роману *Иван Выжигин* (1829), который представляет собой интересный тип русского романа, приближающийся на самом деле к жанру плутовского романа; сам Булгарин назвал этот жанровый тип нравственно-сатирическим и, таким образом, вписался в историю русского романа. Он, зная, что читатель не очень любит сатиру как слишком горькую рефлексию действительности (ссылаясь на грибоедовскую горькую комедию *Горе от ума*, он был, в конце концов, носителем ее копирайта). Он, как и все просветители, убежден, что мировое зло связано с плохим воспитанием. Это идеалистическое представление, игнорирующее

социальные и психологические корни общественных конфликтов и кризисов, дополняется концепцией так называемой благонамеренной сатиры, смыслом которой является не только разоблачать безобразия, общественную и нравственную грязь, но, главным образом, прокладывать положительный путь к исправлению или же продемонстрировать, что ядро добра находится в самой действительности и что оно может сбалансировать зло; и в отвратительной реальности можно найти образцы, которым можно следовать, элементы, дающие шансы дальнейшего положительного развития. Мысль о человеческом самоусовершенствовании, которая присуща именно просветительству, т. е. в основном, мысль эволюционная, противопоставлена классицистской оцепенелости и, одновременно, некритичной галломании российской аристократии.

Название „нравственно-сатирический” для обозначения жанра *Ивана Выжигина* не удивительна: оба полюса дополняют друг друга. Тяготение к равновесию, к сбалансированию света и тени, ядовитому сарказму и эволюционному пути к добру – это основа болгаринского произведения. Своеобразная „балансная арифметика”, определенная скалькулированность становилась и предметом резкой критики. Булгарина, частично по праву, подозревали в низкопоклонстве правительству, в приукрашивании, идеализации общественной ситуации. Автор атакует, главным образом, развратность и социальную импотенцию дворянства, будто бы отнимает у него право руководить обществом, причем опирается на якобы правительственное усилие „расширить пространство разума и просвещения”. Он точно постиг противоречия и открывающиеся ножницы между самодержавием и родовым дворянством после декабря 1825 г. Герой Булгарина движется в широком социальном, географическом и геополитическом пространстве, но ключевые эпизоды происходят в купеческой, предпринимательской среде малого города или в провинции помещичьего быта; оттуда, как известно, большинство читателей болгаринских романов и повестей. На грани 20–30-х гг. XIX века Булгарин показывает неудержимое влияние и власть средних слоев (middle class), которые получили огромный импульс после поражения выступления декабристов. Дворянские привилегии, надломленные

еще при Петре, теряют силу. Обнаруживается парадоксальная обстановка: духовный гнет в годы николаевского режима сопровождается наступлением средних слоев и рождением нового читателя. Разгром революционных дворян на Сенатской площади ускорил процесс созревания нового героя русской литературы, мелкого чиновника, провинциального помещика, бедного студента, и Булгарин был, на самом деле, первым, кто почувствовал веяние времени. Были и другие, которые на эти изменения реагировали, в том числе сам противник Булгарина А. С. Пушкин; его нарративная маска, следовательно, сложнее, чем раньше думалось. Пушкин хочет приспособиться к новому времени, но не целиком; в его *Повестях Белкина* сохраняются следы предшествующих литературных и эстетических эпох, сентиментальность и романтический порыв. Его новые герои носят зачастую характер своих литературных предков. Эта несогласованность между общественной позицией и строгой культурной ориентацией у Пушкина очевидна.

Фаддей Булгарин подчеркивает скорее здоровый утилитаризм своих образов: наибольшим врагом морали являются разложение, беспорядок, запущенность, лень, пассивность, неспособность действовать. Это в России везде, в метрополиях и в провинции. Порядок, сдержанный оптимизм, ясная жизненная цель, – причем этой целью зачастую становится прибыль, – последовательный рационализм и телеологическая мораль характеризуют его положительные лица.

Эти позиции имеют, однако, свои корни, о которых мы писали в книгах о русском романе-хронике и о хронике в общем [18; 14], в десятках самостоятельных исследований на разного рода материале. Все связано с английской философией, главным образом, с ее утилитаризмом (John Locke, *Some Thoughts Concerning Education*, 1693; Jeremy Bentham, *Deontology or the Science of Morality*, 1834, “greatest-happiness principle”). Для более детального анализа булгаринского романа с жанровой точки зрения ссылаюсь на свои статьи о Ф. Булгарине, в которых излагаются три момента булгаринской инспирации, а именно нравственно-сатирический роман, сказ и сказовая повесть, или рассказ, и научная фантастика [16; 13; 12; 15].

Иван Выжигин явно заинтересован общественными механизмами, движениями в обществе и его структуре. Подобно Ивану Посошкову в его *Книге о скудости и богатстве* (1724) он усматривает в российском обществе огромные, потаенные силы человека, которого необходимо воспитать, подспудные течения торговли и предпринимательства. Его роман трансформируется в роман воспитания или становления (Erziehungsroman, Entwicklungsroman). Именно в критической картине русского захолустья Булгарин стал предшественником натуральной школы, чье название он сам придумал.

Сатирический образ России не раз прорывается в грусть, ностальгию и желание сбалансировать положительные и отрицательные черты российской действительности. Посредством критической и сатирической картины России Булгарин стоял парадоксально в преддверии „философических писем” П. Я. Чаадаева.

Значительным образом Булгарин формировал и сказовую повесть, которую позже развивали Н. С. Лесков, А. Ремизов и В. Шукшин, и русскую научную фантастику, даже более выразительно, блестящим образом, в свете которого бледнеет и талант Ж. Верна; интересны – может быть, больше, чем пушкинские – и его исторические повести; он зачастую имеет и временной приоритет (См. Иван Лажечников (1792–1869): *Ледяной дом*, 1835, *Опричник*, 1842; Николай Полевой (1796–1846): *Ломоносов*, 1843; Михаил Загоскин (1789–1852): *Юрий Милославский, или Русские в 1612 году*, 1829).

В сфере научной фантастики он предвидел настоящие новые вещи в сфере общественной мысли и стереотипов поведения. Это проявляется в его повестях: *Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в ХХІХ веке*, 1824; *Невероятные небылицы, или Путешествие к средоточию Земли*, 1825; *Сцена из частной жизни в 2028 году, от рожд. Христова*, 1828; *Разговор в царстве мёртвых*, 1836; *Похождения Митрофанушки на Луне*, 1837; *Путешествие к антиподам на Целебный остров*, 1842; *Письмо жителя кометы Белы к жителям Земли*, 1843; *Письмо жителя кометы Белы к тому же самому жителю Земли*, 1843. Он воздействовал на развитие русской дистопии, предвосхитил новые тенденции конца ХІХ века и первой половины ХХ века.

Одновременно показывает чудеса техники и перипетии человеческой мысли, т. е. его научно-фантастическая проза глубже традиционно восхваляемой прозы авторов европейских литератур. Булгарин даже превзошел своих предшественников и современников (Левшин, Улыбышев, Кюхельбекер, Сенковский, Одоевский, Соллогуб). Действие его повестей связывает воедино удивительные технические изобретения и анализ интеллектуальной жизни и, главным образом, жизнь общественных институций, зачастую в сатирическом тоне:

Наконец профессор объявил мне, что он должен поспешать на лекцию в университет. Я просил его взять меня с собой, но, для избежания взоров любопытства, скрыть от всех, что я всеобщий дедушка или предок нынешнего поколения. Мы снова сели в ездовую машину и покатались обратно в город, проехав во всю его длину к противоположным городским воротам, и, миновав оные, остановились у крыльца великолепного и огромного здания, окружённого ботаническим садом и зверинцем. Распределение факультетов было то же самое, что и в наше время, только науки имели свои собственные подразделения, которые в наше время показались бы смешными и странными. Например, в юридическом разряде перед науками законоведения и судопроизводства находились три новые разряда, а именно: добрая совесть, бескорыстие и человеколюбие. К философии прибавлены были здравый смысл, познание самого себя и смирение. В разряде исторических наук я заметил особенное отделение под заглавием: нравственная польза истории, а к статистике и географии прибавлено было отделение: достоверность показаний. В филологическом разряде первое место занимал отечественный язык. Особенная наука под названием: применение всех человеческих познаний к общему благу – составляла отдельный факультет. Вдруг раздался звук колокола, наступила тишина в собрании, а профессор здравого смысла взошёл на кафедру. Профессор говорил понятным для всех языком, излагал истины, близкие сердцу. Он говорил, что здравый рассудок повелевает безусловно повиноваться законам той земли, где мы живём; не осуждать опрометчиво поступков старших, во-первых, из снисхождения к человечеству, а во-вторых, потому, что мы, наблюдая действия, часто не знаем ни первой побудительной причины, ни цели. Он советовал судить о делах по следствиям, а не по началу и не по первым впечатлениям, приводя в пример спасительные лекарства, которые, действуя на тело, производят часто

неприятные ощущения. Говорил, что общее благо граждан проистекает от стремления каждого в особенности к вспомоществованию ближним. Делать добро другим значит делать добро себе самому, потому что этим средством приобретается право на любовь и уважение других, а с сим вместе на их помощь. После того мой хозяин, профессор, начал изъяснять археологию, и я удивился, когда он, вместо одних букв, чисел, часов и почерков, начал объяснять, по древним памятникам, степень гражданской образованности народов, их обычаи, нравы и критическими изъяснениями стал доказывать, чему должно подражать и что отвергать. Слава Богу, подумал я, что наконец сухая археология, удручавшая мою память и раздражавшая моё терпение, получила истинное своё направление. Профессор кончил лекцию, и пока слушатели расходились по домам, он повёл меня в библиотеку. К большому моему удивлению, я здесь не нашёл сочинений, которым, в наше время, друзья сочинителей предсказывали в журналах бессмертие, а напротив того, увидел книги, о которых мало говорили, а ещё менее читали, занимающие здесь почётные места [1].

Несколько эпизодов демистифицируют приоритеты прославленного Ж. Верна. Одновременно он указывает и возможность развития России как европейской великой державы – это своего рода вызов будущим царям в форме излюбленной идеологической беседы, в которой он предвосхитил известнейшие пассажи романов Тургенева и Достоевского [2].

Больше места и влияния для третьего сословия, ранней русской буржуазии, просветительский оптимизм и вера в могучие силы воспитания и в улучшение человеческой жизни вообще – вот признаки болгаринской прозы.

В чешской среде Булгарин был до половины XIX века более известный, чем сам Пушкин. Если судить по отрепанности болгаринских чешских переводов, то они пользовались большой популярностью – ясно, что это касается XIX века и что эти книги почти никто не брал в XX веке, главным образом, из-за старого чешского правописания. Пейзаж и общественный фон сюжета его прозы, авантурные сюжеты, изысканность особой повествовательной манеры, привлекали внимание читателей. Переводы архаичные, теперь уже почти не читабельны, в них излишество русизмов и ошибок в переводе, неточностей и искажений, но все-таки это

переводы, которые знакомили чешского читателя эпохи национального возрождения с произведениями русского прозаика¹. В чешской среде, владеющей немецким зачастую лучше, чем чешским, бытовали и немецкие переводы, в том числе болгаринский очерк о России и его собрание сочинений². Только бегло упоминает имя Булгарина как романиста автор первой чешской антологии русской поэзии Франтишек Вымазал³.

Судьба Булгарина в чешской среде похожа на его русскую судьбу: его книги с XIX века никогда не издавались, мои предложения относительно перевода *Ивана Выжигина* не встретились к концу 80-х гг. XX века с положительным отзывом, Булгарин забыт – в отличие от текущей русской литературы, которая, однако, переводится на чешский лишь избирательно, по разным внеэстетическим критериям.

1. См. следующие переводы: Slowané, čili, Oswobozenj Arkony. Od Bulharina, z ruského přeložil A. Hansgirk. Předsudek od Senkowského z ruského přeložil Sl. Tomjček. W Praze: w kněžecj arcibiskupské knihtiskárně, řizenjm a nákladem Wáclawa Špinky, 1837, 153 s. Iwan Wyžihin: powjodka zábawná a poučná. Částka I–IV od Tadeásse Bulharina, z ruského v český gazyk přeložil Josef Bačkora. Praha: Václ. Špinka, 1842. Neznámý of Bulgarina od Petra Milosl. Weselského. W Praze: W kněžecj arcibiskupské knihtiskárně, nákladem Wáclawa Špinky, 1840, 148 s. Mazepa: historický román. Z ruského od Taddea Ven. Bulgarina přeložil Fr. Pravoslav Volák. V Praze: Tisk a náklad Jarosl. Pospíšil, 1854, 468 s. Příhody francauzského vychowatele w Rusjch. Z ruštiny Thad. Bulgarina přeložil A. Hansgirk. W Praze: Wáclaw Špinka, 1840.

2. См. Bulgarin, Thaddej Venediktovič: Russland in historischer, statistischer, geographischer und literarischer Beziehung: ein Handbuch für Gebildete jedes Standes. Dargestellt von Thaddäus Bulgarin, mit Genehmigung und unter Mitwirkung des Herrn Verfassers, aus dem Russischen übersetzt von H. von Brackel. Riga und Leipzig, Frantzen, 1839–1841. Bulgarin, Thaddej Venediktovič: Thaddäus Bulgarins sämtliche Werke, Aus dem Russischen übersetzt von August Oldenkop. Leipzig: Carl Cnobloch, 1828, 4 Bde in 4 vol.

3. Ф. Вымазал: Slovanská poezije. Výbor z národního a umělého básnictva slovanského v českých překladech. Sestavil a literárními úvody opatřil Frant. Vymazal. I. svazek. Ruská poezije. V Brně 1874. Из его учебников мы приводили и приводим лишь некоторые: Чешская грамматика для немецких средних школ и учреждений по образованию учителей (Böhmische Grammatik für deutsche Mittelschulen und Lehrerbildungsanstalten, 1881), Грамматические основы сербского или же хорватского языка (Gramatické základy jazyka srbského čili charvátského, 1895), По-еврейски легко и быстро (Hebrejsky snadno a rychle, 1897), По-литовски легко и быстро (Litevsky snadno a rychle, 1902), По-английски легко и быстро (Anglicky snadno a rychle, 1902) и пособий по разговорной практике, например, Чех,

разговаривающий с французом (Čech s Francouzem rozmlouvající, 1902), Чех, разговаривающий с русским (Čech s Rusem rozmlouvající, 1902), Чех, разговаривающий с итальянцем (Čech s Vlachem rozmlouvající, около 1911), По-болгарски в пятнадцати уроках (Buharsky v patnácti úlohách, E. Šolc, Praha-Karlín, 1913), По-цыгански легко и быстро (Cikánsky snadno a rychle, F. Vačkovský, Praha, 1900), Чех, разговаривающий с англичанином (Čech s Angličanem rozmlouvající..., Praha, около 1913) и другие тексты, в том числе *Беседа: газета развлекательная и поучительная* (Beseda: listy zábavné a poučné, Josef S. Wurm-Čejkovský, Brno, 1875). О его энциклопедических знаниях свидетельствует и учебник *Алгебра легко и быстро* (Algebře snadno a rychle, F. Vačkovský, Praha, 1900). Литература по Вымазалу немногочисленна [7; 8]. См также: <http://www.encyklopedie.brna.cz>. Далее см. нашу работу [19]. См. также наши статьи [10; 9; 11; 6; 4; 3].

Избранная литература

Alkire G. H. Gogol and Bulgarin's "Ivan Vyzhigin" / G. H. Alkire // Slavic Review. – 1969. – Vol. 28. – Iss. 2. – P. 289–296.

Алтунян А. Г. „Политические мнения” Фаддея Булгарина. Идеино-стилистический анализ записок Ф. В. Булгарина к Николаю I / А. Г. Алтунян. – Москва : УРАО, 1998. – 208 с.

Булгарин Ф. В. Видок Фиглярин : Письма и агентур. записки Ф. В. Булгарина в III отд-ние / Ф. В. Булгарин ; подгот., [предисл. и коммент.] А. И. Рейтблат. – Москва : Новое литературное обозрение, 1998. – 703 с.

Гранин Д. А. Тринадцать ступенек / Д. А. Гранин. – Ленинград : Сов. писатель, 1984. – 304 с.

Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература; По подлинным делам Третьего отделения собств. Императорского Величества Канцелярии / М. К. Лемке. – Санкт-Петербург : Изд-во, С. В. Бунина, 1909. – XVI, 614 с.

Покровский В. А. Проблема возникновения русского „нравственно-сатирического” романа (О генезисе „Ивана Выжигина”) / В. А. Покровский. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1933. – 36 с.

Pospíšil I. Fadděj Bulgarin jako literární inspirátor / Ivo Pospíšil // Biele miesta II. Univerzita Konštantína Filozofa, Fakulta humanitných vied (katedra rusistiky). – Nitra, 1998. – S. 29–44.

Pospíšil I. Hořce ironická science fiction Fadděje Bulgarina / Ivo Pospíšil. – Svět literatury. – 1993. – 5. – S. 22–28.

Pospíšil I. On the Margin of Genre Typology or The Hidden Pioneer of Russian Science Fiction (Faddey Bulgarin) / Ivo Pospíšil // Slavica Nitriensia. – 2016. – 1. – S. 27–40.

Pospíšil I. Problém autorského typu: Fadděj Bulgarin / Ivo Pospíšil // Slavica Slovaca. – 1988. – Č. 4. – S. 366–384.

Pospíšil I. Проблема „иностранцев” в русской литературе и русско-польский литератор Tadeusz Bułharyn/Фаддей Булгарин: черты новизны. Сборник в честь А. Липатова. – Москва, в печати.

Pospíšil I. Próza virtuální autenticity a existenciálního znejistění / Ivo Pospíšil // Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky = Slavica litteraria. – 2007. – Roč. 56. – Č. X10. – S. 5–20.

Рейтблат А. И. Библиографический список книг и статей о Ф. В. Булгарине [Электронный ресурс] / А. И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 88. – С. 344–390. – Режим доступа : <http://nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/722/742/index.html>.

Рейтблат А. И. Булгарин Ф. В. / А. И. Рейтблат // Русские писатели: библиографический словарь. – Москва : Просвещение, 1990. – Т. 1. – С. 123–125.

Рейтблат А. И. Видок Фиглярин: История одной литературной репутации / А. И. Рейтблат // Вопросы литературы. – 1990. – № 3. – С. 73–101.

Рейтблат А. И. Булгарин и его читатели / А. И. Рейтблат // Чтение в дореволюционной России. – Москва : ГБЛ, 1992. – С. 55–66.

Рейтблат А. И. Записка Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча о „Северной пчеле” / А. И. Рейтблат // Шестые Тыняновские чтения : тез. докл. и материалы для обсуждения. – Рига; Москва, 1992. – С. 65–68.

Рейтблат А. И. Кто же автор „Белошاپочников”? / А. И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. – 1992. – № 1. – С. 262–264.

Рейтблат А. И. Булгарин и III отделение в 1826–1831 гг. / А. И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. – 1993. – № 2. – С. 113–129.

Рейтблат А. И. Ф. В. Булгарин и Польша / А. И. Рейтблат // Русская литература. – 1993. – № 3. – С. 72–82.

Рейтблат А. И. А. И. Булгарин и Дубельт / А. И. Рейтблат // Седьмые Тыняновские чтения : материалы для обсуждения. – Рига; Москва, 1995–1996. – С. 262–270.

Рейтблат А. И. Вступительная заметка к републикации эссе Булгарина „Обед” / А. И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 21. – С. 245–246.

Рейтблат А. И. Предисловие к указателю содержания журнала Булгарина „Литературные листки” / А. И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 19. – С. 396–399.

Рейтблат А. И. Булгарин и III отделение / А. И. Рейтблат // Булгарин Ф. В. Видок Фиглярин : Письма и агентур. записки Ф. В. Булгарина в III отд-ние / Ф. В. Булгарин ; подгот., [предисл. и коммент.] А. И. Рейтблат. – Москва : Новое литературное обозрение, 1998. – С. 5–40.

Рейтблат А. И. Булгарин и Дерпт / А. И. Рейтблат // Тыняновский сборник. – Москва, 1998. – Вып. 10. – С. 429–445.

Рейтблат А. И. Метафоры для секретной полиции: Булгарин как политический стилист [Рец. на кн. А. Г. Алтуняна „«Политические мнения» Фаддея Булгарина”, Москва, 1998] / А. И. Рейтблат // Ex libris НГ. – 1998. – 29 окт.

Рейтблат А. И. Булгарин и Наполеон / А. И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 40. – С. 87–93.

Рейтблат А. И. Булгарин и Сенковский: Ранний период взаимоотношений / А. И. Рейтблат // Беларусь і беларусы ў прасторы і часе : зборнік навуковых артыкулаў у гонар 75-годдзя з дня нараджэння прафесара А. І. Мальдзіса. – Мінск : Лімарыус, 2007. – С. 204–212.

Vaslef N. O. Bulgarin and the Development of the Russian Utopian Genre / N. O. Vaslef // The Slavic and East European Journal. – 1968. – Vol. XII. – № 1. – P. 35–41.

1. *Булгарин Ф.* Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке [Электронный ресурс] / Фадей Булгарин. – Режим доступа : http://az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/text_0040.shtml.
2. *Булгарин Ф.* Сцена из частной жизни, в 2028 году, от рожд. Христова [Электронный ресурс] / Фадей Булгарин. – Режим доступа : http://az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/text_1828_scena_iz_zhizni-2028.shtml.
3. *Поспишил И. А. С.* Пушкин в антологии Франтишека Вымазала „Славянская поэзия” / Иво Поспишил // Болдинские чтения. Комитет по культуре Нижегородской области, Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А. С. Пушкина „Болдино”, Нижегородский Гос. Университет им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2007. – С. 264–269.

4. *Поспишил И.* О некоторых романых фрагментах Александра Пушкина / Иво Поспишил // Болдинские чтения. Комитет по культуре Нижегородской области, Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А. С. Пушкина „Болдино”, Нижегородский Гос. Университет им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2006. – С. 183–197.
5. *Поспишил И.* Проблема структуры, функции и использования литературоведческих терминов: по следам собственных попыток / Иво Поспишил // Миргород. – 2016. – № 2 (8). – С. 26–31.
6. *Поспишил И.* Пушкин глазами чехов: три концепции / Иво Поспишил // Болдинские чтения. Комитет по культуре Нижегородской области, Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А. С. Пушкина „Болдино”, Нижегородский Гос. Университет им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2005. – С. 227–235.
7. *Bulín H.* Zločiny Františka Vymazala / Hynek Bulín // Jiskry a plamen. – Brno, 1930. – S. 82–85.
8. *Burian V.* Spisovatel František Vymazal / Václav Burian // Časopis Vlasteneckého spolku musejního v Olomouci. – 1946. – Č. 55. – S. 367–372.
9. *Pospíšil I.* Alois Augustin Vrzal a jeho duchovní dědictví / Ivo Pospíšil // Universitas. – Brno, 1992. – Č. 6. – S. 27–30.
10. *Pospíšil I.* Alois Augustin Vrzal: A Catholic Vision of Slavonic Literatures / Ivo Pospíšil // Slovak Review. – 1992. – No. 2. – P. 166–171.
11. *Pospíšil I.* Alois Augustin Vrzal: Koncepcie a dokumenty / Ivo Pospíšil // SPFFBU, D 40. – 1993. – S. 53–62.
12. *Pospíšil I.* Fadděj Bulgarin jako literární inspirátor / Ivo Pospíšil // Biele miesta II. Univerzita Konštantína Filozofa, Fakulta humanitných vied (katedra rusistiky). – Nitra, 1998. – S. 29–44.
13. *Pospíšil I.* Hořce ironická science fiction Fadděje Bulgarina / Ivo Pospíšil. – Svět literatury. – 1993. – 5. – S. 22–28.
14. *Pospíšil I.* Labyrint kroniky : pokus o teoretické vymezení žánru / Ivo Pospíšil. – Brno : Blok, 1986. – 193 s.
15. *Pospíšil I.* On the Margin of Genre Typology or The Hidden Pioneer of Russian Science Fiction (Faddey Bulgarin) / Ivo Pospíšil // Slavica Nitriensia. – 2016. – 1. – S. 27–40.
16. *Pospíšil I.* Problém autorského typu: Fadděj Bulgarin / Ivo Pospíšil // Slavica Slovaca. – 1988. – Č. 4. – S. 366–384.
17. *Pospíšil I.* Próza virtuální autenticity a existenciálního znejistění / Ivo Pospíšil // Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky = Slavica litteraria. – 2007. – Roč. 56. – Č. X10. – S. 5–20.

18. *Pospíšil I. Ruská románová kronika : příspěvek k historii a teorii žánru / Ivo Pospíšil. – Brno : Univerzita J.E. Purkyně, 1983. – 132 s.*
19. *Pospíšil I. Srdce literatury. Alois Augustin Vrzal / Ivo Pospíšil. – Brno, 1993. – 43 s.*

ЖАНРОВІ ІННОВАЦІЇ ТА РЕЦЕПЦІЯ ФАДЕЯ ВЕНЕДИКТОВИЧА БУЛГАРИНА В ЧЕСЬКОМУ СЕРЕДОВИЩІ

Іво Поспішил

ivo.pospisil@phil.muni.cz

Доктор, професор

Завідувач Інституту славістики

Філософський факультет, Університет імені Масарика

Вул. Арна Новака, 1, 602 00, м. Брно, Чеська Республіка

Анотація. Розглядається творчість Фадея Булгаріна (1789–1859), попередника і натхненника нових жанрових форм у трьох розділах: у формуванні жанру морально-сатиричного роману, в сказовій оповіді і в особливій жанровій формі утопії та дистопії. Показано, що ядром болгаринської наукової фантастики є описовий, але меткий стиль, невиразна будова сюжету, елементи жанру проповіді, що являють собою уламки утопічних моделей на противагу постромантичної іронії та сарказму, які ведуть до фруструючої картини майбутнього світу. Підкреслено, що його парадигма, яка рухається від технологічної до загальносоціальної й екзистенційної позиції, до побутового скептицизму дистопії, яка поступово народжується в болгаринських прозових фрагментах, превалювала в російській науковій фантастиці протягом усього ХХ століття і, до певної міри, виявилася домінантною навіть у ХХІ столітті. Досліджуються жанрові інновації Булгаріна, зокрема культивування жанру сказової повісті, оригінального наративу, який провістив подібні оповідні форми у творчості М. С. Лєскова, О. Ремізова чи В. Шукшина. У чеському середовищі Булгарін був до половини ХІХ століття більш відомий, ніж сам Пушкін. Пейзаж і громадський фон його прози, авантюрні сюжети, вишуканість особливої оповідної манери привертала увагу читачів.

Ключові слова: Фадей Булгарін, соціальна концепція, контекст, науково-фантастична повість, утопія, наукова фантастика, скептична дистопія, сказова повість, чеська рецепція.

GENRE INNOVATIONS AND RECEPTION OF THADDEUS VENEDIKTOVICH BULGARIN IN THE CZECH COMMUNITY

Ivo Pospíšil

ivo.pospisil@phil.muni.cz

*Professor, Philosophiae doctor, Doctor of Science
Head of the Institute of Slavonic Studies
Faculty of Arts of Masaryk University
Arna Nováka 1, 602 00, Brno, Czech Republic*

Abstract. Faddey Bulgarin (1789–1859) is one of the predecessors and inspirers of new genre forms in the three spheres: in the formation of the genres of the moral-satirical novel, in the skaz narration and the specific genre forms of utopia and dystopia. The kernel of Bulgarin’s science fiction is a descriptive, but inventive style, unimpressive construction of the plot, the elements of the sermon representing the fragments of utopian models as a counterbalance to post-romantic irony and sarcasm leading to the frustrating picture of the future world. Its paradigm moving from the technological towards social and existential and to life skepticism of dystopia which gradually arises in Bulgarin’s prose fragments, prevailed in the Russian science fiction in the course of the whole 20th century and, to a certain extent, seemed to be dominant even in the 21st century. The term “moral-satirical” for the genre of *Ivan Vyzhigin* (1829) is not surprising: both the poles complemented each other. The inclination to the balancing of the lights and the shades, towards poisonous sarcasm and evolutionary way to the good – this is the basis of Bulgarin’s work. The peculiar “balance arithmetic”, a certain calculation was an object of sharp criticism. Bulgarin was, partly by right, suspected of servility towards the government, of the improvement, the idealization of social situation. The author attacks, above all, the debauchery and social impotence of aristocracy based on the would-be efforts of the government “to widen the space of reason and education”. He exactly defined the opening scissors between the autocracy and family aristocracy after December 1825. Bulgarin’s hero moves in a wide social and geographical space, but the key episodes take place in the environment of merchants and entrepreneurs of a small town or in a province of the landowner’s way of life; the majority of the readers of Bulgarin’s novels and novellas/short stories come from this very environment. On the boundary of the 1820–1830s Bulgarin demonstrates the unstoppable influence and power of the middle class which got an immense impulse after the defeat of the Decembrists. Bulgarin cultivates the genre of the skaz novella or short story, the original narrative which anticipated the similar narrative forms in the creation of N. S. Leskov, A. Remizov, and V. Shukshin. In the Czech environment he was up to the mid-19th century more popular than Pushkin himself. The scenery and social

background of his prose works, adventurous plots, the refinement of a specific narrative technique attracted the attention of his readers. The Czech translations are archaic, now nearly not readable, containing many Russisms and mistakes in translation, inaccuracies and deformations, but nevertheless there the translations which acquainted a Czech reader of the period of the Czech national revival with the works of this Russian prose writer.

Key words: Faddey Bulgarin, social conception, context, science fiction short stories, utopia, science fiction, skeptical dystopia, skaz short story, Czech reception.

1. Bulgarin Th. *Pravdopodobnye nebylitsy, ili Stranstvovanie po svetu v XXIX veke* [Probable tall tales, or Wandering around the world in the XXIX century]. Available at: http://az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/text_0040.shtml (accessed 3 July 2015). (in Russian).
2. Bulgarin Th. *Stsena iz chastnoi zhizni, v 2028 godu, ot rozhd. Khristova* [Scene of Private Life in the Year 2028]. Available at: http://az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/text_1828_scena_iz_zhizni-2028.shtml (accessed 3 July 2015). (in Russian).
3. Pospíšil I. A. S. Pushkin v antologii Františka Vymazala “Slavianskaia poeziiia” [A. S. Pushkin in an Anthology “Slavic poetry” by František Vymazal]. In: *Boldinskie chteniia*. Nizhny Novgorod, 2007, pp. 264–269. (in Russian).
4. Pospíšil I. O nekotorykh romannykh fragmentakh Aleksandra Pushkina [About Some Novelistic Fragments by Alexander Pushkin]. In: *Boldinskie chteniia*. Nizhny Novgorod, 2006, pp. 183–197. (in Russian).
5. Pospíšil I. Problema struktury, funktsii i ispol'zovaniia literaturovedcheskikh terminov: po sledam sobstvennykh popytok [The Problem of the Structure, Function and Use of Terms of Literary Criticism: Following the Author's Attempts at application]. *Mirgorod*, no. 2 (8), pp. 26–31. (in Russian).
6. Pospíšil I. Pushkin glazami chekhov: tri kontseptsii [Pushkin through the Eyes of the Czechs: Three Concepts]. In: *Boldinskie chteniia*. Nizhny Novgorod, 2005, pp. 227–235. (in Russian).
7. Bulín H. Zločiny Františka Vymazala. In: *Jiskry a plamen*, Brno, 1930, pp. 82–85.
8. Burian V. Spisovatel František Vymazal. *Časopis Vlasteneckého spolku musejního v Olomouci*, 1946, č. 55, s. 367–372.
9. Pospíšil I. Alois Augustin Vrzal a jeho duchovní dědictví. In: *Universitas*, Brno, 1992, č. 6, s. 27–30.
10. Pospíšil I. Alois Augustin Vrzal: A Catholic Vision of Slavonic Literatures. *Slovak Review*, 1992, no. 2, pp. 166–171.
11. Pospíšil I. Alois Augustin Vrzal: Koncepcie a dokumenty. *SPFFBU*, D 40, 1993, s. 53–62.

12. Pospíšil I. Fadděj Bulgarin jako literární inspirátor. In: *Biele miesta II*. Univerzita Konštantína Filozofa, Fakulta humanitných vied (katedra rusistiky). Nitra, 1998, s. 29–44.
13. Pospíšil I. Hořce ironická science fiction Fadděje Bulgarina. *Svět literatury*, 1993, 5, s. 22–28.
14. Pospíšil I. *Labyrint kroniky : pokus o teoretické vymezení žánru*. Brno, 1986, 193 s.
15. Pospíšil I. *On the Margin of Genre Typology or The Hidden Pioneer of Russian Science Fiction (Faddey Bulgarin)*. *Slavica Nitriensia*, 2016, 1, s. 27–40.
16. Pospíšil I. Problém autorského typu: Fadděj Bulgarin. *Slavica Slovaca*, 1988, č. 4, s. 366–384.
17. Pospíšil I. Próza virtuální autenticity a existenciálního znejistění. *Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky = Slavica litteraria*, 2007, roč. 56, č. X10, s. 5–20.
18. Pospíšil I. *Ruská románová kronika : příspěvek k historii a teorii žánru*. Brno, 1983, 132 s.
19. Pospíšil I. *Srdce literatury. Alois Augustin Vrzal*. Brno, 1993, 43 s.

Suggested citation

Pospíšil I. Zhanrovye innovatsii i retseptsiiia Faddeia Venediktovicha Bulgarina v cheshskoi srede [Genre Innovations and Reception of Thaddeus Venediktovich Bulgarin in the Czech Community]. *Pytannia literaturoznavstva*, 2018, no. 97, pp. 191–208. (in Russian).

Стаття надійшла до редакції 15.03.2018 р.
Стаття прийнята до друку 5.04.2018 р.